

# ГАЛЕРЕЯ

ИЮНЬ 2017 № 2

ИЗДАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ГОРОДА КОСТРОМЫ

## РЕНОВАЦИОНИЗМ АНДРЕЯ САЗОНОВА

В муниципальной художественной галерее с 26 мая по 2 июля работает выставка с необычным названием «Реновационизм. Поделки от Андрея». Ее автор Андрей Сазонов – петербургский художник, искусствовед, коллекционер, познакомивший костромичей прошлым летом со своей удивительной коллекцией народных картин (работ в стиле примитива) или так называемых «клёночек», на этот раз представляет зрителям свои произведения – арт-объекты и ассамбляжи из металломата. А еще Андрей занимается литературным и поэтическим творчеством. В этом номере мы публикуем несколько его рассказов.

Андрей Сазонов стал заниматься созданием арт-объектов из металла в конце 1990-х. С тех пор он представляет свои выставочные проекты как в России (Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Кострома), так и за рубежом (Швеция, Франция, США). В 2006 году в муниципальной художественной галерее экспонировался изобретательный, полный юмора и иронии проект «Жизнь и смерть винина», инициаторами которого были Андрей Сазонов и его сын Никита. Оба художника являются создателями стильных интерьеров в частных домах и офисах Петербурга, а их фантастическая «Вавилонская башня энеолита» (2010) высится в «Саду скульптуры» во дворике Петербургского университета.

Художник создает из хлама – металлического лома, всевозможных пластиковых деталей, деревышек и т.п. – настоящие шедевры! «Мусор», отжившие свой век предметы получают вторую жизнь, иными словами, реновацию. Свое особое отношение к вторичным материалам, отразившееся в авторском творческом приеме, художник обозначил словом «реновационизм» (от лат. «genovo» - обновлять, восстанавливать...). Данному термину близки такие направления современного искусства, как скрэп-арт, арт-брю, стим-панк, трэш-арт, инсайдер-арт.

Увлечение художников искусством объекта, вторичными материалами – вещь не новая. Точкой отсчета данных практик принято считать художественные эксперименты Марселя Дюшана, выставившего в музее в начале прошлого века бытовые предметы, купленные им на рынке. Таким простым, на первый взгляд жестом он совершил настоящую революцию в искусстве. Дюшан хотел заставить зрителей увидеть обиходные предметы в ином свете, уйти от восприятия глазами, к чисто интеллектуальному восприятию, к поиску



Юдифь. 2008

смыслов. Ведь искусство объекта, по сути своей, есть тренировочная площадка для креативной фантазии, совершенная художественная вольность, ничем не ограниченная изначально. Спонтанность, импульсивность, свобода являются его основой. В этом убеждаешься, знакомясь с произведениями Андрея Сазонова. Важным художественным инструментом автора является метафора – богатейший источник рождения новых смыслов.

В центре экспозиции «трепещет» флаг («Ветер, 2001») - повидавшая виды скововая лопата, по соседству башня из б/у чайников, таящая «Секрет тройной заварки» (2009), а вот «Голова-часы» (2008), составной частью которой являются часы, навсегда потерявшие свое функциональное значение. Здесь можно видеть фантастический «Пепелац» (2001), таинственную «Машину К. Чапека» (2003), наконец, сложносочиненную «Ловушку для духов» (2004). Изначальный смысл и назначение утилитарных предметов, деталей уступает место предложенной автором образной метафоричности, что стимулирует творческий характер зрительского восприятия.

Ирония, остроумие, юмор, гротеск также важные средства, которые использует Андрей Сазонов при создании образа. Вызывает добрую улыбку его объекты-головы из композитных материалов: любимый персонаж всех детей Дед Мороз («Голова дэва Дедушки Мороза в колпачке», 2012), символические персонажи – «Флора», «Дионис» (2011), даже библейские - «Юдифь» (2008), «Иродиада (2009)» и др. Сама идея создания объектов-голов родом из детства, это такая своеобразная игра в манекены, где автор создает собственный мир образов и символов, подобно ребенку. Как говорит Андрей Сазонов: «Перед нами игровое поле, «магазин игрушек». А разве игрушек бывает много? И разве детство, формально закончившись в определенном возрасте, покидает нас навсегда?»

Андрей Сазонов создает свои удивительные объекты для того, чтобы переосмыслить вещи, которые нас окружают, чтобы мы могли переосмыслить наш мир.

Маргарита ЕВТЮКОВА



Секрет тройной заварки. 2009

АНДРЕЙ САЗОНОВ

СУ ХО и СУ ГО

...и водопад  
Повис среди вершин.  
Ли Бо

Когда деревья были молодыми, а тыквенные фляжки большими, Су Хо уже слыл глубоким стариком. Он пользовался всеобщим уважением. Люди искали его внимания. Его советы ценились дороже серого речного жемчуга. Его речи доходили до императорских ушей. Для Су Хо же всё это – тлен и прах. Единственное, что искал старче в этом мире, была тишина. Но – шумел ветер, звонкие струи ручья срывались со скал, доносились до слуха голоса птиц и вопросы ищущих участия путников. Су Хо был нищ, так как не обладал тем немногим, чем владеть желаю спастично.

Однажды некий странствующий монах по имени Су Го набрел на одинокий шалаш, приютившийся в тени великой горы. У порога неподвижно сидел маленький сухонький старичок в ветхой и грубой одежде. Возле ног его стояла пустая деревянная миска. Монах, исполненный самых добрых намерений, взял этот неказистый сосуд и направился с ним к роднику. Там он набрал ледяной, прозрачной, сладковатой на вкус воды. Затем Су Го вернулся к хижине и поставил миску перед стариком. Сам же он сел напротив и занялся медитацией.

Выходя из астрала и вернувшись в тело свое, монах сразу же взглянул на воду. То, что он увидел, его не обрадовало. В миске плавал крупный зеленовато-желтоватый плевок. Плавал и не тонул.

Су Го стал размышлять о сущности этого явления. «Нас здесь двое, – думал он, –

так же, как и я, занимался медитациями. В этом случае отхаркался не он. Следовательно, тут был кто-то третий, святотатственно осквернивший эту чистую, целительную воду. Кто этот имярек, узнать затруднительно, потому что он бесследно исчез. Теперь станем считать, что Су Хо не медитировал, а просто сидел неподвижно и молча, не обращая внимания на свое окружение или делая вид, что не замечает того, что творится вокруг него. Тогда сам собой напрашивается вывод о том, что плевок – это его работа. Подведем итог: в результате логических выкладок мы имеем двух вероятных плевальщиков. Безмерное уважение, которое я испытываю к благородному и мудрому Су Хо, не позволяет мне указать на него. Посему я выбираю незнакомца, злого шутника – осквернителя вод. Да будет ложе его жестким, хлеб сухим, вино горьким, а сам он – бесплодным!».

Обдумав все это, Су Го поднял глаза и пристально посмотрел на старого аскета. Неожиданная мысль обожгла его, словно язык открытого пламени у чужого костра. Вот какие слова возникли в его голове: «Если Су Хо медитировал, то, естественно, он не мог видеть наглого пришельца. Когда же душа Су Хо вернется в свое тело и взор его станет осмысленным, узреет Су Хо изгаженную воду. Начнет думать он, что это я, Су Го, нищий монах, решил поиздеваться над подслеповатым стариком, плюнув ему в питье. О, право же, я не заслужил такого позора! И я не намерен стыдиться того, что я не делал!».

Быстрым и резким движением руки опрокинул миску Су Го. Вода пролилась на землю, и уже через минуту не осталось даже лужиц. Только на нескольких травинках дрожали небольшие капли, отражавшие, словно очи майских жаворонков, теплую небесную синь и легкое весеннее солнце.

Су Го поднял голову и взору его предстал чудесный вид далеких гор, исполненный того высокого природного мастерства, которое когда-то было доступно и человеку. Образы этого редкого искусства встречаем мы порой на полотнах древних художников. Но как и каким способом достигается подобное совершенство, нам неведомо. Исчез не только сам навык – полностью утрачена даже память о нем. Вот какую необыкновенную красотищу увидел Су Го!

Осмотревшись, монах успокоился, встал на ноги и медленно побрел прочь, направляясь к заснеженным горным перевалам. Фигурка его все уменьшалась и уменьшалась, пока вовсе не скрылась в сплозающем с вершин вязком и плотном тумане.

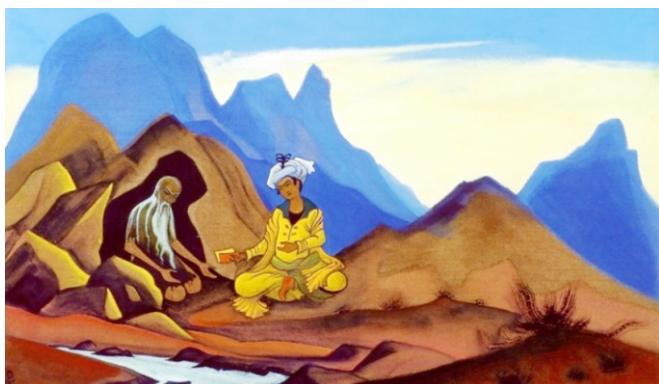
ПЕСНЯ АКЫНА

Прошло то время, когда весь мир заслушивался  
его песнями.  
Прошло время, когда он был поэтом Хорасана.  
Я стал дряхлым старцем,  
Но вновь вернусь я к дням своей юности...  
Рудаки

Снова и снова слушал Мансур эту удивительную песню. Акын пел без сопровождения дутары, пел на урду – на языке Мансура чужом и незнакомом. Но звуки, чарующие звуки хрипловатого, низкого голоса завораживали и пленяли Мансура настолько, что и время, и обстоятельства окружения постепенно терялись, исчезали и оставалась одна лишь песня, увлекавшая слушателя, словно быстрый горный поток, в неподвластные разуму дали. И там, в этом невыразимом ни одним из доступных человеческому существу способов пространстве настигала Мансура безлиное, но отчетливое ощущение безраздельного и неистребимого счастья. Счастья, сиявшего, как дорогой огранки смарганд, испускающий из глубин своих свет иной, оттенённой драгоценной зеленью жизни.

Акын был стар. Очень стар. Никто в кишлаке уже и не помнил тот день, когда этот, тогда еще цветущий здоровьем, зрелый мужчина появился в их краях. Поговаривали, будто он пришел из-за гор, из той загадочной страны, где в избытке вода, где почва сама по себе рождает злаки, где круглый год зреет золотая айва, где на густых и сочных луговых травах пасутся бесчисленные отары тучных, тонкошёрстных овец. Существовала ли эта благословенная земля на самом деле? Кто же знает? Никто из местных дехкан никогда не ходил за горы. Но те редкие путники, купцы и дервиши, которые появлялись время от времени в кишлаке, утверждали, что там, за перевалами, действительно лежат изобильные земли, цветущие, подобно изысканным лилиям, под отеческой дланью властительных Моголов. Вот оттуда-то и пришел однажды этот акын, нищий странник, у которого не было ничего, кроме старого халата, деревянного дорожного посоха и маленького белого ослика.

Что же побудило этого человека покинуть столь благодатный край? Кто подвиг его сменить изумрудные альпийские луга и живительную тень дубрав на прожаренную беспощадным солнцем, не уступающую даже закалённой стали кетменя, изнурённую, растрескавшуюся землю? Никто не мог ответить на этот вопрос. Причина исхода его, впрочем, как и вся история его судьбы, скрывались, подобно лицу красавицы под покровом чадры, за непроницаемой пеленой какой-то древней тайны, разгадка которой была не доступна. Так или иначе, но пришелец жил в кишлаке уже долгие-долгие годы. Люди прозвали его акыном, потому что часто пел он свою длинную песню, без начала и конца, на чужом языке, с непривычными и оттого так сильно влекущими интонациями. Других песен он не знал, а может быть, не желал петь, или же в этой одной сплетал



Н.Рерих «Искандер и отшельник». 1938

старец Су Хо и я, Су Го. Что касается меня, то по всей очевидности эта мокрота не моя, ведь я длительное время находился в медитативном состоянии. Иными словами, я не был способен совершать физические действия, в том числе и такие, которые связаны с материальными выделениями. Отлично известно, что при медитации организм заторможен, как если бы пребывал в коме. Итак, это не я плюнулся в миску. Остаются два возможных, но взаимоисключающих рассуждения. Во-первых, допустим, что отшельник, точно



звуки и слова многих напевов. Постичь эту мудрость декхане не умели и просто слушали, затаив дыхание, извечный и, как им казалось, прекрасный речитатив.

Пожалуй, никто в кишлаке не приходил к акыну так часто, как Мансур. Непонятная сила влекла его к глиняному домику, приютившемуся под тенистой чинарой в том месте, где единственный на все селенье арык делал кругой изгиб, где всегда слышалось журчание водяных струй и в воздухе висели мельчайшие радужные капли влаги. Двери этого жилища были открыты каждому. Не было случая, чтобы не пел акын гостю свою волшебную песню. За перегородкой стены тихо звучал голос потока, бегущего по плоскому дну арыка, и, казалось, поток этот продолжается в звуках песни, освежающей сердце слушателя так же, как животворная вода освежает измученную дневным жаром кожу.

Мансур закрывал глаза и, постепенно, словно растворяясь каждой клеточкой своей в лёгких дуновениях тёплого воздуха, частица за частицей уносился за горные кряжи, в страну мечты, в край благоденствия. Если когда и бывал он счастлив, то именно в такие минуты - погружённый в сомнамбулическое, чудесное состояние, сравнимое, наверное, единственно лишь с упоительным и мирным сновидением. Кaries, тёмные глаза Мансура светели, распямялись складки на скулах и в уголках рта. Выражение блаженства не покидало лица его и долго после того, как стихала песня акына, после того, как оставлял Мансур дом его.

Временами одна жестокая мысль тревожила Мансура. Он думал о том, что акын аряхл и пройдёт немного дней, когда старец покинет этот мир. О том, что дыхание акына, голос его, несущие весть радости, прервутся навеки. О том, что померкнет свет жизни и обыденность, отвратительная в своей неизменности, поглотит без остатка грядущие годы. О том, что уходящий невольно заберёт с собой и его, Мансура, молодого и сильного, жадного и злого, ликующего в видениях своих. Мансура прекрасного, как ясный апрельский луч. Мансура, слушающего голоса мира. Мансура, превратившегося в благословенное ухо Аллаха.

В такие часы отчаяние овладевало Мансуром. Страх охватывал его. Леденели руки и ноги, и мысль, горячая мысль его, цепенела и, словно гигантский отёк, разрывала изнутри черепные покровы. Всё

чаще и чаще задумывался Мансур о неизбежности конца. Конца песни. Но, одновременно, всё чаще и чаще дух сопротивления этой неизбежности посещал его. Так продолжалось до того момента, пока не осознал Мансур со всей очевидностью то, что он, именно он и никто другой во всём подлунном мире, имеет право

на песню старого акына. Только он один, и никто иной! Старец не должен был, не мог умереть, не передав песню Мансуру. И, наконец, Мансур решился.

Длинным и тонким ножом, которым срезают жирные куски с бараньих муслов, ударил он в сердце поющегого акына. Уязвленное сердце, переполнившись болью, в последний раз исторгло из себя звуки. С хрипами и с бульканьем потекли они из разверстого, чёрного рта, словно вино из прорванного бурдюка. И стихли, отлетев вместе с уходящим дыханием. Грудью прижался Мансур к груди акына. Сердцем - к сердцу. Устами припал к устам. И затухающие вибрации сердца акына вошли в его сердце. И затихающее дыхание акына вошло в его лёгкие. И тогда стал Мансур невесомым светом, ледяными вершинами, изумрудными лугами, тенистыми долинами, журчащими прохладными струями родников. И тогда стал Мансур песней акына.

## ЕГОР

Что видится этому юноше, стоящему на берегу моря с высоко поднятой головой? Что ищут ЕГО глаза в небесных высотах? Скорее всего, взор ЕГО следит полеты божественно белых птиц, медленно планирующих в восходящих потоках тёплого воздуха. Но заря, господа, вечерняя заря такова, что крылья их постепенно розовеют. А вот и тревожные алые отсветы легли на ещё минуту назад белоснежные лёгкие перья. Так, частным случаем, проявляет себя дуализм бытия, и посредством света представлена нам ЕГО антагонистическая сущность. Повсюду борьба, друзья мои. Борьба!

А юноша всё смотрит и смотрит ввыс. Почему глаза ЕГО не опускаются долу? Отчего не склоняется гордая голова ЕГО? Вот уже и первые звёзды зажглись в размытом голубоватом сумраке. Их лучи коснулись ЕГО тонкого, породистого лица, и профиль ЕГО отпечатался в неяс-

ном волнистом свете, словно образ молодого принца в благородном медальном серебре.

Мы стоим над прибойным клифом уже часа два. Вода приходит и уходит, оставляя на гальке шипящую пену. Над нами - птицы, перистые облака, умирающее солнце и просыпающаяся звёздная марь. Я наблюдаю за отроком, за ЕГО почти неподвижной позой. Я уже давно перестал скрываться за глыбкой ракушечника, за оранжевым искривлённым стволом низкорослой приморской сосны. Юноша меня не замечает вовсе. Словно небожитель, сброшенный роком на землю, он неотрывно смотрит на свой горний дом. Тоскует ли он? Вспоминает? Мечтает вернуться? Постепенно я начинаю понимать, чего же не достаёт ЕГО хрупкой, точёной фигурке. Крыльев. Тех самых - белых, розовых, альх - парящих над нами в просторном окаймлении вечернего неба. Птицы улетают и возвращаются вновь. А он, мой герой, всё никак не может обрести то единственное, о чём молит душа ЕГО, о чём грустит тело ЕГО. Он лишен полёта.

Сгущаются сумерки. Слышатся шаги. Немолодая, полная женщина в застиранном ситцевом платье, тяжело дыша, выходит к кромке утёса.

- ЕГОР! ЕГОР, вот ты где! Пойдём домой. Родители заждались, беспокоятся. Ужинать пора...

Юноша всем телом поворачивается на голос. Лицо ЕГО по-прежнему обращено к звёздам. Взор ЕГО, как и прежде, устремлён ввыс. Он неловко протягивает женщине узкую кисть с длинными и тонкими пальцами; бабушка берёт ЕГО за руку. Они медленно уходят. Это странное зрелище: зрячий с поводырём. Очень странное зрелище!

- Осторожно, ЕГОР! Держись за меня крепче!

Дня через два в посёлке мне рассказали о несчастном мальчике, по годам почти юноше. Он был инвалидом детства. У него срослись шейные позвонки, что совершенно лишило ЕГО возможности опускать голову.

Мне даже показали дом, в котором жила эта семья.



В.Смирнов «Сидящий». 1983

«ПОЧУВСТВОВАТЬ СКУЛЬПТУРУ КАК ЖИВУЮ ТКАНЬ...»  
из дневников Владимира Смирнова\*



Владимир Смирнов в мастерской. Конец 1990-х

Работу с Природой надо вести активно. Не надо бояться быть похожим на природу, надо творить вместе с природой, усиливая или ослабляя ее язык, и, если идея познакомить, так сказать, с реликтом, почему бы его не показать и в явной его чистоте. Просто нужна убежденность этого хода, этого интереса. И здесь нет совета и нет никакой «правильности» - нужен эксперимент конкретного мышления, конкретного человека. Надо уметь спокойно вести «игру» с материалом и на уровне фола строить удивляющую тебя затею. Хочешь взять готовую фактуру, если тебе сегодня это нравится – бери, и прочь все мнения, что против тебя – ты ведешь дело, тебе шутить или плакать

\* Окончание. Материалы публикуются с №2 2004

– только серьезная, активная подача. Предо мной рисунок головы коня как бы из коры дерева. В пластике надо определить интересы акцентов, определить меру творчества, так сказать, участия в создании усиленной формы, а значит, и уже новой. И эстетику не коры, а эстетику своих переживаний надо мощно выразить, а природа только тебе помощник, игра должна быть твоя, твоя радость явного содружества и твоей явной свободы в работе с материалом. Да, я этого еще не проходил так пристрастно – пусть это будет этап моей новой ипостаси – буду смотреть, буду делать! 13/V-2002  
Вечер 10.30. Утром смотрел и радовался коре на березах. Она рожалась не сразу, а годы жизни дерева несут судьбу в этих оврагах: в складках засохших чешуйек, в причудливом разнообразии открывается судьба, как она похожа на судьбу человека, как необыкновенно открыта и непостижима в своих коллизиях. И бьется сердце радостью, вдруг увидев природу, которая открыта для совместного созидания. И не надо бояться природы, не надо думать. Что она не при чем в творчестве. Она все равно присутствует в любом искусстве. И все образы всех чувств дает именно природа. Природа создает пластику твою, влияя на тебя просто своей мощью, всеми своими ипостасями – или это ее великий покой, или ее великое движение.

Над композицией «Поэт» продвинулся достаточно вперед, придав просто природе еще и некое структурное обозначение. Как бы прорастание архитектуры добавилось и несколько эмоций в форме. Работа шла именно в установке содружества труда с природой. Добавив массы глины, в композиции вдруг увидел, что правый край, отделенный от массы головы, недостаточно был внутри укреплен каркасом. Глина стала проседать. Пришлось сделать бруском подпорку, пришлось изменить суть работы, утеряно безвозвратно то, что было предложено

мной сегодня. Осталась как бы «маска поэта». Да, это потеря, но потеря – это и приобретение. <...> 14/V-2002  
И пусть каждый день будет «воскресением». Пусть каждый день ищет новых созиданий. Новое осознание формирует новые чувствования и новые усилия форм.

В мастерской солнце готовит место для заказа, и надо завершить формованную работу в гипсе – зачистить, слегка подработать – это реплика по поводу понятия «поэт». Это теперь просто маска. И все же это некоторое прибавление к моим выразительным средствам в новом размере. Это новые задачи, их еще придется создавать во многих других решениях.

27/VI - 2002

<...> «Маска поэта» сформована в гипсе. Многострадальный портрет Ф. Ницше сформован из плохой формы. Нет той ясности, которая выстраивалась долго. Сейчас завершил работу над заказом для литературного музея - полуфигура с руками древнего воина для выставки, посвященной «Ипатьевской летописи».

1/VIII-2002

Музыка Вагнера – найти путь к его портрету предстоит, да, предстоит разобраться в новых чувствованиях – придется, придется говорить с его миром – готовлюсь.

12/XII-2002

Материал подготовила В.ПРЯМИКОВА



Новый день. Лист 1. 2002

## АФИША

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ  
В СОЦСЕТИЯХ

#kosgallery

до 2 июля

Андрей Сазонов  
**РЕНОВАЦИОНИЗМ**  
арт-объект, ассамбляж

Виктор Шлюндин  
**ВСТРЕЧА**  
живопись, графика, коллаж

Марина Макуркина  
**ЖИЛИ-БЫЛИ**  
рисунок

**6.07 - 30.07**  
**ХУДОЖНИКИ СТРИТ-АРТА**

7.07 - 30.07  
Владимир Тюрин  
**ЛЕС**  
живопись

4.07 - 20.08  
**ДИВО ПОД МИКРОСКОПОМ**  
микроминиатюра

ВЫРАЖАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬ ПОСТОЯННОМУ СПОНСОРУ НАШЕЙ ГАЗЕТЫ  
ИД «ЛИНИЯ • ГРАФИК • КОСТРОМА»

ГАЛЕРЕЯ



Адрес галереи Пл. Мира, 2 Тел. 51-64-45  
E-mail: kosgallery@yandex.ru  
Электронный вариант газеты: <http://kosgallery.ru/gazeta.html>

Номер подготовили: В.Пряников,  
Е.Громова  
Тираж 500 экз.

Газета отпечатана  
в ИД "Линия График Кострома"  
тел. 54-75-81